

УДК 316.35

https://doi.org/10.33619/2414-2948/97/45

ФЕНОМЕН КИТАЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ПАТЕРНАЛИСТСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

©*Романычев И. С.*, ORCID: 0000-0002-4951-7698, SPIN-код: 8469-1467,
канд. социол. наук, Институт дополнительного профессионального образования
работников социальной сферы, г. Москва, Россия, romanychevilya@mail.ru

THE PHENOMENON OF CHINESE CHARITY WITHIN THE PATERNALISTIC MODEL OF SOCIAL POLICY

©*Romanychev I.*, ORCID: 0000-0002-4951-7698, SPIN-code: 8469-1467, Ph.D.,
Institute for Additional Professional Education of Workers for Social Services,
Moscow, Russia, romanychevilya@mail.ru

Аннотация. Освещаются основные аспекты развития частной и корпоративной благотворительности в Китайской народной республике, анализируется процесс интеграции благотворительности в патерналистскую модель социальной политики, традиционную для Китая. Приводятся основные данные по экономическому развитию Китая, в особенности частного сектора экономики, являющегося основным донором благотворительных проектов и программ. Констатируется повышенное внимание государства к частной благотворительности как к возможности осуществления дополнительных финансовых вливаний в решение социальных проблем. Приводится краткое описание правовых нововведений, касающихся развития китайской филантропии. Рассматриваются специфические особенности национальной благотворительности, отражающие социокультурные и экономические особенности страны. Констатируется возросшая роль корпоративной и частной благотворительности в деле борьбы с бедностью, ликвидации последствий стихийных бедствий, поддержке образования. Вместе с тем обращается внимание на стремление государства координировать и контролировать процессы создания благотворительных организаций, направлять их деятельность, что в условиях патерналистских традиций выглядит естественно. Рассматриваются политические аспекты роста благотворительности, в частности, связанные с концепцией «всеобщего процветания». Однозначно видится стремление руководства страны снизить растущее социально-экономическое расслоение, используя при этом не только государственные программы, но и потенциал благотворительных организаций и частных лиц. Приводятся данные социологических опросов наиболее обеспеченных граждан КНР, свидетельствующие об их высокой мотивированности к помощи и поддержке нуждающихся сограждан. Развитие благотворительности в Китае, в особенности корпоративной, интерпретируется как процесс ее своеобразного «встраивания» не только в экономику, но и в политику.

Abstract. This article highlights the main aspects of the development of private and corporate charity in the People's Republic of China and analyzes the process of integrating charity into the paternalistic model of social policy, traditional for China. The main data on the economic development of China, especially the private sector of the economy, which is the main donor of

charitable projects and programs, are presented. The increased attention of the state to private charity is stated as an opportunity to make additional financial injections into solving social problems. A brief description of legal innovations concerning the development of Chinese philanthropy is provided. The specific features of national charity reflecting the socio-cultural and economic characteristics of the country are considered. The increased role of corporate and private charity in the fight against poverty, the elimination of the consequences of natural disasters, and the support of education is stated. At the same time, attention is drawn to the desire of the state to coordinate and control the processes of creating charitable organizations, to direct their activities, which in the conditions of paternalistic traditions looks natural. The political aspects of the growth of charity are considered, in particular, related to the concept of 'universal prosperity'. The desire of the country's leadership to reduce the growing socio-economic stratification is clearly seen, using not only state programs, but also the potential of charitable organizations and individuals. The data of sociological surveys of the most affluent citizens of the People's Republic of China are given, indicating their high motivation to help and support fellow citizens in need. The development of charity in China, especially corporate, is interpreted as a process of its peculiar 'embedding' not only in the economy, but also in politics.

Ключевые слова: социальная работа, социальная политика, благотворительность, филантропия, Китай, патернализм, фонд, пожертвование, миллиардер, некоммерческая организация, коронавирус.

Keywords: social work, social policy, charity, philanthropy, China, paternalism, foundation, donation, billionaire, non-profit organization, coronavirus.

Благотворительность в Китае во втором-третьем десятилетии XXI века стала феноменом, на который невозможно не обращать внимание. Небывалый взлет этого направления актуализируется в первую очередь потому, что оно касается жизнеобеспечения около полутора миллиардов человек – каждого шестого жителя планеты. Вместе с тем интерес к данному явлению подогревается еще и тем, что оно, на первый взгляд, должно быть чуждо той модели социальной политики, которая проводилась в Китае последние семьдесят лет. Эту модель принято называть патерналистской и обозначать в качестве ее главной особенности всеохватывающую роль государства в распределении социальных благ. Однако было бы неправильно рассматривать сегодняшнюю модель социальной политики Китая с таких консервативных позиций. Ведь рост бизнеса, количества миллиардеров, социально-экономического расслоения за последние тридцать лет тоже не совсем сочетаются с традиционной социалистической моделью экономики. Тем интереснее становится наблюдать за феноменальными изменениями в социальной сфере Китая и задаваться вопросом: может, в Поднебесной формируются принципиально новые подходы к развитию социальной помощи и поддержки, что, в свою очередь, может свидетельствовать о зарождении новой модели социальной политики? Однако для начала стоит определить, действительно ли сегодняшняя китайская благотворительность так уж не вписывается в государственный патернализм.

Патерналистская модель социальной политики традиционно подразумевает исключительную роль государства в двух основных аспектах: 1) определение круга нуждающихся (в том числе критериев нуждаемости в помощи, льготных категорий граждан и т.п.); 2) определение объемов помощи и поддержки как в общем контексте (доля бюджета или

ВВП), так и размеров пенсий, пособий, выплат, субсидий, в том числе на финансирование системы социальных услуг. Однако основными чертами патерналистской социальной модели являются: монополия государства на реализацию всех мероприятий в социальной сфере; фактическое недопущение к делу помощи альтернативных распределителей благ: фондов, неправительственных организаций, бизнеса, частных благотворителей; конечная ответственность государства за результаты социального развития. При патерналистской модели может наблюдаться длительная неизменность форм и видов социальной помощи, что определяется отсутствием конкуренции с альтернативными субъектами — теми же некоммерческими организациями. Там же может превалировать категориальный подход в предоставлении благ – без учета нуждаемости, без адресности в назначении выплат или услуг, а только на основании принадлежности человека к конкретной льготной категории (что, в общем, может встречаться и при других моделях социальной политики). Вместе с тем патерналистская модель предусматривает весомую роль государства как главного плательщика за систему благ: образование, здравоохранение, жилье, культурно-досуговую деятельность, а потому приобретает значимость в глазах граждан бесплатностью и доступностью этих благ. По мнению автора, патерналистская модель в социальной сфере может быть очень актуальной и востребованной на ранних этапах модернизации и индустриализации общества, когда грамотность, здоровье и жилищная обеспеченность предопределяют успехи в социальном развитии. При изменении социальной структуры общества, росте потребления, развитии рыночных отношений (прямых или завуалированных) патерналистская модель может не успевать реагировать на трансформацию системы потребностей граждан, а потому может нуждаться в повышении «внутреннего разнообразия» подходов, форм и методов работы с людьми. Традиционно с государственным патернализмом в социальной сфере ассоциировались социальные модели социалистических стран — СССР, стран Восточной Европы, Кубы, КНДР, Китая. Однако при глубоком рассмотрении можно идентифицировать патерналистские модели социальной сферы и в странах арабского Востока – Катаре, Объединенных Арабских Эмиратах, Саудовской Аравии. Поэтому полностью забывать о государственном патернализме в социальной сфере в связи с крушением социалистических экономик было бы неправильно. Как модель и идеология социальной сферы патернализм имеет право на существование и, по сути, остается действенным в ряде стран.

Именно в этой связи представляет интерес система социальной помощи и поддержки в Китае как сфера, трансформируемая вслед за экономикой. За 2010–2022 гг. валовый внутренний продукт Китая вырос с 6 до 18 триллионов долларов, благодаря чему по объему ВВП Китай занимает уверенное второе место после США. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности вырос с 11 101 долларов в 2013 году до 18 187 долларов в 2022 году (1). Ежегодные темпы экономического роста составляют 8–9% в год. Однако в контексте развития благотворительности наибольший интерес представляют данные по развитию именно негосударственного сектора экономики. Число частных предприятий в КНР увеличилось с 10,85 млн в 2012 году до 44,57 млн в 2021 году. По состоянию на 2021 год на долю частного сектора экономики приходилось более 50% налоговых поступлений, свыше 60 % ВВП и более 70 % технологических инноваций; частный сектор обеспечивал более 80 % рабочих мест в городах и поселках городского типа, на него приходилось свыше 90 % субъектов рынка в Китае (2).

Естественно, подобный рост частного капитала не может не повлечь за собой проникновение определенной его доли в финансовый оборот социальной сферы. В качестве

аналога можно привести впечатляющий рост благотворительных обществ и заведений в Российской империи во второй половине 19 – начале 20 веков, наблюдаемый в связи с безусловным экономическим ростом того периода.

Стоит отметить, что длительное время китайская благотворительность не только не была институционализована, но и могла не приветствоваться официальными властями, особенно если исходила от религиозных объединений. Так, исследователь Чэнь Цзюшуань отмечает, что буддистские организации ограничивались в праве заниматься социально-полезной деятельностью за пределами своей общины, буддистским группам запрещалось функционировать в сфере общественного обслуживания от имени своих учреждений и т. п. [1, с. 37] Вместе с тем, уже в 1994 году основывается Всекитайская благотворительная федерация, в 1996 году возникают первые благотворительные трасты. Весомым поводом к развитию частной благотворительности стали события 2008–2009 годов, известные как «снежный кризис» и сычуаньское землетрясение. Эти стихийные бедствия затронули центральные и западные районы Китая, не отличающиеся высоким благосостоянием. В тех условиях правительство КНР обратилось за поддержкой к представителям коммерческого сектора, благотворительным фондам и волонтерам. Если в 2007 году объем благотворительных пожертвований в КНР составлял 440 млн долларов США, то в 2008 году он вырос сразу в 30 раз и составил 16,1 млрд долларов (3). Однако фундаментальным оставался вопрос законодательного регулирования благотворительной деятельности.

Закон Китайской Народной Республики «О благотворительности» был принят в 2016 году. В нем фиксируются цели благотворительной деятельности, в частности, упоминаются такие, как «...помощь бедным и находящимся в сложной жизненной ситуации; помощь пожилым, сиротам, инвалидам, страдающим заболеваниями; помощь пострадавшим от природных бедствий, техногенных катастроф и других чрезвычайных ситуаций; содействие развитию образования, науки, культуры, здравоохранения, спорта; борьба с загрязнением окружающей среды, защита и совершенствование экологической ситуации; другие общественно значимые цели, предусмотренные законом». Среди принципов благотворительной деятельности, таких как законность, добросовестность, добровольность, упоминаются и не причинение вреда государственной безопасности, непротиворечие общественной морали. Благотворительные организации могут создаваться в форме фондов, общественных организаций, социальных служб и т. п. Помимо получения пожертвований от бизнеса, благотворительная организация вправе получать пожертвования от всех граждан, однако для этого она должна быть зарегистрирована минимум два года и сбор средств должен быть открытым.

Известное исследование китайской благотворительности, проведенное фондом «Истоки» и опубликованное в 2020 году, констатировало, что в целом филантропическая деятельность в Китае находится на ранней стадии развития. Общий объем пожертвований в 2018 году составил 23,4 млрд долларов, что составило 0,2% ВВП страны. Для сравнения – в США этот показатель составлял 2,1% ВВП, в России — 0,5% ВВП. Несмотря на то, что в Китае на тот момент было 819 миллиардеров (больше, чем в любой стране мира), Поднебесная тратила на благотворительность в абсолютном исчислении в 20 раз меньше, чем США. В целом в Китае 1% населения владеют одной третью всего национального богатства, и именно они, будучи миллионерами и миллиардерами в первом поколении, становятся главными донорами китайской филантропии. В Китае создано высшее учебное заведение, специализирующееся на подготовке профессионалов в сфере благотворительности – Китайский институт глобальной филантропии, являющийся вторым по счету в мире

подобным заведением. Одним из главных направлений частной благотворительной деятельности в КНР является борьба с нищетой. С 1979 года и к концу второго десятилетия XXI века удалось вывести из абсолютной бедности порядка 700 миллионов человек, и в последнее время именно частные благотворительные организации сыграли в этом значительную роль (3). Благодаря одному только Китайскому фонду по борьбе с бедностью к 2021 году из бедности выведено 99 млн человек [2, с. 139]. Вместе с тем, большую долю среди крупных частных пожертвований занимает помощь образовательным учреждениям – 41% от общего количества пожертвований (4).

Стоит отметить, что если распределить пожертвования на три вида — массовые, корпоративные и крупные частные пожертвования, то в Китае к концу второго десятилетия преобладали корпоративные и крупные частные (14,2 млрд долларов и 3,3 млрд долларов соответственно), в то время как на долю массовых пожертвований (как правило, реализуемых при помощи краудфандинговых платформ) приходилось от 0,4 до 0,7 млрд долларов (5).

В самом начале пандемии COVID-19, в марте 2020 года в Китае насчитывалось 7,7 тысяч благотворительных организаций. Из них около 80% находились за пределами крупных городов и пребывали на ранних стадиях своего развития. Однако если вернуться к идее рассмотрения феномена растущей благотворительности в контексте патерналистской модели социальной политики, нельзя не обратить внимание на следующие факты. Государство в целом занимает активную позицию по налоговому стимулированию именно корпораций. Налоговый вычет на пожертвования может составлять 12% при корпоративном налоге на прибыль 25%. Однако такие формы организации филантропии, как благотворительные трасты, длительное время остаются не охваченными системой налоговых стимулов, в то время как специальные фонды, создаваемые «от государственных фондов», позволяют филантропам получать налоговые льготы и поддерживать позитивные отношения с государством (5). Создаваемые в Китае именные благотворительные фонды, а вернее, их создатели, также нуждаются в налоговой поддержке.

Из всех благотворительных фондов Китая на момент исследования только 1% являлись грантодающими, могущими простимулировать какую-либо некоммерческую организацию. Если сравнить с США, то там грантодающими являются 92% фондов. Это может говорить о сохраняющемся в Китае слабом доверии к неправительственным организациям. Официальная поддержка НКО и социальных предпринимателей местными органами власти проявляется опять же не через грантовую схему, а через прямую закупку социальных услуг. Это в известной степени делает частный сектор более зависимым от воли властей (5).

Контроль со стороны государства также проявляется в процессе создания и дальнейшей работы благотворительной организации. Для официальной регистрации благотворительная организация должна выбрать в качестве «поручителя» какую-либо госструктуру, как правило, отвечающую за соответствующее направление. Также необходимо одобрение Министерства гражданской администрации. При этом «поручители» чаще предпочитают сотрудничать с крупными объединениями и не стремятся взаимодействовать с мелкими фондами [2, с. 141]. За «поручителями» часто остаются решения о формах сбора средств, направлениях и объемах помощи, что закономерно сужает инициативу создателей и сотрудников благотворительных организаций.

В период пандемии COVID-19 крупные корпорации увеличили объем пожертвований до 70,66% от общего объема, и это при том, что накануне пандемии наблюдалась тенденция снижения доли пожертвований корпораций в общем объеме. Примечательно, что доля пожертвований предприятий, финансируемых из-за рубежа (совместных предприятий)

снизилась, а доля пожертвований государственных предприятий возросла (6).

Важно и то, что благотворительный бум удачно вписывается в политику властей КНР в сфере роста благосостояния населения. Упомянутое в речах руководителей КНР понятие «общее процветание» становится в начале 2020-х годов важнейшей темой социально-экономического развития. В период с января по август 2021 года понятие «общее процветание» упоминалось в речах руководителя КНР 65 раз, в то время как за весь предыдущий 2020 год — только 30 раз. 17 августа 2021 года на совещании центрального комитета Китая по финансам и экономике председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что «общее процветание — ключевое требование социализма и важная черта модернизации по китайскому пути». При этом комитет счел важным «разумно регулировать непомерные доходы и побуждать лица и компании с высокими доходами возвращать больше обществу». Было зафиксировано, что китайские миллиардеры потратили к августу 2021 года в качестве частных пожертвований 5 млрд долларов, что на 20% больше, чем за весь предыдущий год (7). Не стоит отрицать, что в Китае политическая составляющая может иметь не меньшую значимость в развитии благотворительности, чем налоговое стимулирование. В целом наблюдаемая политика снижения социально-экономического расслоения, выросшего за годы экономического развития, выглядит вполне справедливо и соотносится со всеми классическими концепциями социального государства. При этом очевидно то, что включенные в систему интенсивного взаимодействия с государством китайский бизнес и китайские благотворители используют филантропию как некую возможность утвердиться в качестве «сознательной» финансовой силы и заручиться поддержкой государственных органов [3].

В 2022 году в Китае около двух третей респондентов, имеющих активы на сумму не менее 5 млн юаней (около 700 тысяч долларов США), заявили, что хотят продолжать делать благотворительные пожертвования в ближайшие 10 лет. Вместе с тем, основными препятствиями для развития собственной филантропии респонденты называют отсутствие знаний о политике и того, где можно сделать пожертвования. Из 80% богатых китайцев, кто жертвовал на благотворительные цели, большинство готовы жертвовать дальше и в качестве аргумента приводят тезис о том, что правительство стремится к «общему процветанию». Около 20% опрошенных китайских миллионеров делали пожертвования на сумму более 1 млн юаней. 60% респондентов предпочитают поддерживать бедные регионы Китая [4].

Конечно, не надо отрицать и того факта, что помимо корпораций и крупных филантропов в китайской благотворительности начинает занимать законное место и сфера массовых пожертвований, где простой гражданин вносит свой вклад в решение той или иной проблемы. Огромную роль здесь играет Интернет и соответствующие цифровые платформы для всенародного финансирования каких-либо проектов (классикой стало применение краудфандинга). Так, в 2021 году общая сумма массовых пожертвований, собранных посредством интернет-платформ, составила 10 млрд юаней, в то время как в 2017 году — 2,59 млрд юаней (6). Феномен массовой гражданской благотворительности в Китае повторяет тенденции роста китайской благотворительности как таковой и становится законной составляющей другого феномена — взрывного роста филантропии в одной из крупнейших экономик мира.

В целом можно констатировать, что интенсивный рост благотворительности в Китае стал абсолютно объяснимым и объективным явлением, исходящим, в первую очередь, из не менее интенсивного экономического роста. Но вписывается ли он в сложившуюся задолго до этого патерналистскую модель социальной политики Поднебесной, можно судить по тонким

чертам, отражающим структуру и источники пожертвований, реакцию на политические решения, роль органов власти в создании и координации благотворительных объединений. Сегодня китайская благотворительность блестяще интегрирована в экономику, но не менее важно и то, что она интегрирована в политику. Патернализм, пусть и не в чистом виде, остается важной идеологемой в развитии социальной сферы Китая. Но является ли государственный патернализм стимулом или тормозом развития благотворительности — вопрос, требующий учета массы факторов: от исторических традиций и менталитета до управленческих решений и ежегодных экономических показателей. Благотворительные фонды и иные субъекты филантропии являются прекрасным источником средств для решения социальных проблем, но если государство склонно выступать исключительным координатором и, может быть, распределителем благотворительной помощи, то здесь можно говорить об уникальном процессе интеграции благотворительности в государственный социальный патернализм. В целом китайская благотворительность имеет все шансы надолго стать важным компонентом китайской модели социальной политики и, быть может, ознаменовать создание и развитие принципиально новой схемы решения социальных проблем.

Список источников:

1. Китай - ВВП на душу населения ППС. <https://kurl.ru/gqfOx>
2. Экономика КНР. <https://kurl.ru/vfNOI>
3. Отчет о благотворительности в Китае. <https://kurl.ru/RNhOp>
4. Чем похожа и чем отличается благотворительность в России и Китае. <https://kurl.ru/jDCmk>
5. Блог «Обзор филантропии в Китае». <https://kurl.ru/AAUZv>
6. Филантропия как инвестиция, культура как инструмент управления: итоги дискуссии о китайской благотворительности. <https://kurl.ru/THfrQ>
7. Китайские миллиардеры стали жертвовать больше денег для «общего процветания» страны. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/milliardery/438273-kitajskie-milliardery-stalizerzertvovat-bol-se-deneg-dla-obsego-procvetania-strany>
8. Все больше богатых китайцев хотят делать пожертвования в рамках кампании Си Цзиньпина «Общее процветание», показывает опрос. <https://kurl.ru/Bpzia>

Список литературы:

1. Чэнь Цзюньшуай. Социальная поддержка граждан в период становления государственности в Китае // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186). С. 37-39.
2. Ван Ш., Калашникова И. В. Социальная ответственность в борьбе с бедностью: «Китайский вариант» // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2023. № 2 (69). С. 135-144.
3. Левченко И. А. Социокультурные особенности современной филантропии: Россия и Китай // Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2021. С. 104-109.
4. Чуканова Т. В., Ван Дань, Колесникова О. Н. Основные аспекты организационных основ благотворительности России и Китая // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2018. № 10. С. 32-37.

References:

1. Chjen, Czjun'shuaj. (2020). Social'naja podderzhka grazhdan v period stanovlenija gosudarstvennosti v Kitae. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika*, (6 (186)), 37-39. (in Russian).
2. Van, Sh., & Kalashnikova, I. V. (2023). Social'naja otvetstvennost' v bor'be s bednost'ju: "Kitajskij variant". *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2 (69)), 135-144. (in Russian).
3. Levchenko, I. A. (2021). Sociokul'turnye osobennosti sovremennoj filantropii: Rossiya i Kitaj. In *sbornike: Istoriko-kul'turnoe nasledie Rossi i Kitaja: voprosy izuchenija, sohraneniya i razvitija. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*, 104-109. (in Russian).
4. Chukanova, T. V., Van, Dan', & Kolesnikova, O. N. (2018). Osnovnye aspekty organizacionnyh osnov blagotvoritel'nosti Rossii i Kitaja. *Sociologija v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*, (10), 32-37. (in Russian).

Работа поступила
в редакцию 01.11.2023 г.

Принята к публикации
14.11.2023 г.

Ссылка для цитирования:

Романычев И. С. Феномен китайской благотворительности в рамках патерналистской модели социальной политики // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. №12. С. 325-332. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/97/45>

Cite as (APA):

Romanychev, I. (2023). The Phenomenon of Chinese Charity within the Paternalistic Model of Social Policy. *Bulletin of Science and Practice*, 9(12), 325-332. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/97/45>